

Если очень
хотеть — можно
дотянуться.
Даже если
сначала кажется,
что нет.

Главное — не
перестать
смотреть вверх.
И не забыть,
зачем.

КОГДА-НИБУДЬ МЫ ДОСТАНЕМ ЗВЁЗДЫ

ДЛЯ ОДНИХ — ЭТО МЕЧТА.
ДЛЯ ДРУГИХ — ПОТЕРЯ.

КНИГА 1

ПРОЛОГ СВЕТА КОТОРЫЙ НЕ ДЛЯ НЕГО

Lucius Carvalle

**Когда-нибудь мы
доста́нем звёзды!**

«Автор»

2026

Carvalle L.

Когда-нибудь мы достанем звёзды! / L. Carvalle — «Автор», 2026

В провинциальном посёлке у космодрома жизнь течет по заранее написанному сценарию: тяжелые смены, долги и глухая родительская усталость. Для взрослых грохочущие по ночам ракеты — лишь источник шума и лишней работы. Но только не для семилетнего Артёма. Запертый в душном мире, где любое проявление таланта легко выбрасывается в мусорное ведро, мальчик прячется на крыше старого дровника и строит в мыслях свой космический корабль. Он точно знает: его корабль не будет тяжелой «железякой на огне». Это будет нечто тихое, способное заставить само пространство расступиться.

Проводя ночи вдвоем с соседской девочкой Соней под старым одеялом и провожая взглядом искры улетающих ракет, Артём дает обещание однажды покинуть эту тесную землю. Он еще не знает, что через много лет детская мечта столкнет его с невозможными расчетами, искривлением пространства и чертежами, которые изменяют Вселенную. Но след от первой ракеты уже навсегда выжжен внутри него.

Lucius Carvalle

Когда-нибудь мы достанем звёзды!

Глава 1

Пролог

Свет, который не для него

В кухне у них всегда было тесно.

Не потому, что она была совсем маленькая, хотя маленькая тоже была. Просто в ней каждый занимал больше места, чем хотел.

Отец сидел у окна в растянутой майке и пил чай из большой кружки. После смены он обычно не разговаривал: ел молча, пил молча, смотрел в тёмное стекло так, будто за ним уже ничего не осталось. Ни огородов. Ни соседских крыш. Ни белого свечения космодрома за степью.

У раковины звякали тарелки — осторожно, но всё равно слишком громко. Мать мыла посуду быстро, без лишних движений, и по тому, как сухо ставила чашки на сушилку, сразу становилось понятно: лучше сейчас ничего не спрашивать. Когда она уставала, дома делалось не шумнее, а тише. И от этой тишины Артёму всегда хотелось стать меньше.

Ему было семь лет, и он уже знал: если взрослые в доме говорят мало, надо самому быть почти невидимым.

Поэтому он сидел на полу возле дивана.

Там было его место. Не настоящее, конечно. Просто если Артём садился за стол, отец цеплял его ногой и морщился. Если вставал у раковины, мать просила отойти. Если уходил в комнату, его спрашивали, почему он опять прячется.

Пол у дивана был лучше.

Там его почти не замечали.

На коленях у Артёма лежал старый кассетный плеер. Его отдал сосед дядя Витя, сказав: — Мёртвый. Можешь добить.

Артём не любил слово «добить».

Вещи не умирали сразу. Иногда им просто никто не помогал.

Он снял заднюю крышку, вытащил маленькую пружинку и теперь смотрел, почему одна шестерёнка цепляет другую только краем. Если прижать её отвёрткой, она крутилась. Если отпустить — снова срывалась.

Значит, внутри ещё было что-то живое.

Значит, плеер не совсем мёртвый.

— Опять мусор раскидал.

Мать не повернулась. Ей не надо было смотреть, чтобы знать, чем он занят.

Артём прикрыл ладонью винтики. Глупо, конечно: ладонь маленькая, винтиков много. Но всё равно прикрыл.

— Это не мусор.

Отец коротко усмехнулся в кружку.

Артём не любил эту усмешку. После неё любая вещь становилась глупой: плеер, ракета, вопрос, он сам.

— Конечно, — произнёс отец. — У нас дома всё нужное. Даже то, что нормальные люди выбрасывают.

Артём опустил глаза.

Он хотел объяснить, что если шестерёнку прижать ровнее, она будет крутиться. Хотел показать пружинку. Хотел сказать, что плеер ещё можно спасти.

Но не стал.

Один раз он уже объяснял.

Год назад в сарае перегорела лампочка. Отец тогда долго ругался в темноте, уронил банку с гвоздями и сказал, что в этом доме даже свет нормально не держится.

Артём запомнил.

На следующий день он нашёл старую батарейку, кусок провода и маленькую лампочку от сломанной игрушки. Сначала ничего не получалось. Провод отходил, лампочка мигала, батарейка грелась в ладони. Потом он случайно прижал провод чуть крепче — и лампочка загорелась.

Слабо.

Жёлто.

Неровно.

Но сама.

От его рук.

Артём ждал отца до вечера. Поставил самодельный фонарик на стол. Протёр батарейку рукавом. Даже провода сложил ровнее, чтобы выглядело аккуратно.

Отец пришёл поздно. От него пахло железом, табаком и холодным воздухом.

— Это что?

Артём выпрямился.

— Я сам сделал. Для сарая.

Он сказал это быстро. Слишком быстро. Как будто если успеть первым, вещь станет важной.

Отец взял фонарик.

У Артёма внутри всё замерло.

Отец не сразу его выбросил. Сначала повертел в руках, поджал губы, большим пальцем прижал провод к батарейке. Лампочка снова мигнула.

На секунду Артёму показалось, что отец сейчас спросит, как он додумался.

Отец ведь понимал.

Артём знал, что понимал.

В верхнем ящике стола лежала синяя тетрадь. Артём видел её всего два раза, когда искал изоляцию. На первой странице было написано отцовским почерком: «Звягинцев А. П. Электромеханический колледж». Дальше шли схемы — ровные, красивые, будто их рисовал совсем другой человек.

Не тот, который теперь сидел вечерами у окна и усмехался в кружку.

Отец ещё раз прижал провод.

Лампочка дрогнула.

— Контакт слабый, — сказал он тихо.

Артём почти улыбнулся.

Но отец вдруг стал чужим. Будто сам испугался, что ему стало интересно.

— Лучше бы математику так делал.

Он сгрёб провода, батарейку и лампочку в ладонь и бросил в ведро под раковиной.

Лампочка ударилась о край, мигнула и погасла.

Мать стояла у плиты. Она всё видела. Артём понял это по тому, как громко она поставила крышку на кастрюлю.

Но она ничего не сказала.

Артём тогда не заплакал. Не при них.

Он просто понял: маленькое показывать нельзя. Маленькое легко выбросить. Надо сначала сделать что-то большое. Такое, чтобы никто не смог взять одной рукой и кинуть в мусор.

С тех пор он чинил молча.

На холодильнике висели квитанции. Мать прижимала их магнитами ровно, по краям, будто если бумажки будут висеть аккуратно, денег станет больше. Рядом был список покупок: хлеб, молоко, картошка, порошок. Последнее слово сначала зачеркнули, потом написали снова, потом снова зачеркнули.

Они жили здесь не потому, что кто-то мечтал о космосе.

Отец когда-то приехал в посёлок временно — на работу. Так говорили взрослые: временно. На два года. Потом появилась мать. Потом дом. Потом Артём. Потом долги. Потом старая машина без задней передачи. Потом привычка.

И временно стало навсегда.

Космодром был рядом всю его жизнь.

Днём он прятался за степью, за пыльной дорогой, за полосой редких деревьев и забором, к которому детям запрещали подходить. Иногда над горизонтом поднимались краны, мачты, башни, металлические фермы. Артём смотрел на них и думал, что это скелеты огромных железных зверей.

Ночью всё менялось.

За домами оставалось белое свечение. Даже когда у магазина гасли фонари, когда последний автобус с рабочими уходил за поворот, когда собаки во дворах переставали брехать на темноту, космодром всё равно светился.

Взрослые к этому привыкли.

Для них космодром был работой, перекрытой трассой, пропусками, чужими приказами, лишней сменой и грохотом по ночам.

Для Артёма это были ворота.

Он часто представлял их перед сном.

Лежал под старым одеялом, слушал, как за стеной ходит мать, как отец кашляет на крыльце, как в трубах булькает вода, и строил корабль.

Не настоящий, конечно.

Пока не настоящий.

Сначала он придумывал кабину. Маленькую, чтобы туда не вошёл никто лишний. Потом панель с тремя лампочками. Потом рычаги. Потом круглый иллюминатор. Обязательно круглый, настоящий, не как кухонное окно, за которым всегда мог появиться чей-то силуэт.

В его корабле всё было понятно.

Нажал — загорелось.

Повернул — заработало.

Сломалось — можно починить.

С людьми было труднее.

Они могли смотреть и не видеть. Могли слышать и не слушать. Могли взять то, что ты сделал, и выбросить, даже не поняв, что оно светилось.

Поэтому корабль должен был быть большим.

Не для всех.

Не сразу.

Сначала для него.

Чтобы однажды закрыть люк, посмотреть в иллюминатор и увидеть, как посёлок становится маленьким. Как крыши, заборы, магазин, школа, остановка, отцовская кружка и мамыны квитанции на холодильнике уменьшаются, отходят назад и уже не достают.

Плеер тихо щёлкнул в его руках.

Артём замер.

Сначала он подумал, что ошибся. Потом осторожно нажал пальцем на шестерёнку. Та повернулась ровнее, почти без рывка.

Он не улыбнулся.

Радоваться вслух он давно не любил. Взрослые сразу спрашивали, что случилось, а потом находили, что испортить.

Но внутри всё равно стало светлее.

Совсем немного.

Как от той лампочки, пока её ещё не выбросили.

— Ось у тебя гуляет.

Артём поднял голову.

Отец смотрел не на него, а на плеер. Будто сказал случайно. Будто фраза сама сорвалась, пока он не успел её остановить.

— Что?

Отец поморщился.

— Прижимать бесполезно. Криво сидит. Надо менять.

Артём посмотрел на плеер, потом на отца.

— Откуда ты знаешь?

Отец сразу отвернулся к окну.

— Знаю.

И всё.

Разговор закончился.

Но Артём ещё несколько секунд смотрел на него. На широкую спину. На плечи, которые будто всё время несли что-то тяжёлое. На руку с тёмной полосой грязи у ногтя, которую отец не отмыл после смены.

Артём хотел спросить про синюю тетрадь.

Про схемы.

Про то, почему отец теперь говорит о космодроме так, будто тот его обманул.

Но не спросил.

В их доме вопросы часто делали хуже.

И именно тогда под полом появился низкий гул.

Артём поднял голову.

Звук был слабый, почти незаметный, будто где-то далеко проснулся поезд. У раковины снова звякнула тарелка. Отец смотрел в окно и не двигался.

Артём прислушался.

Гул повторился.

Теперь дрогнуло стекло в кухонном окне.

Отец тоже услышал. Кружка тяжело стукнула о стол.

— Опять.

Для отца космодром всегда начинался с этого слова.

Опять переключат трассу. Опять ночью будет грохот. Опять начальство вызовет на смену. Опять собаки будут выть, дети просыпаться, а стёкла — дрожать.

Для Артёма космодром начинался иначе.

С белого света над степью.

С красных огней на вышках.

С ощущения, что там, за редкими деревьями и запретным забором, взрослые люди делают невозможное — готовят железо к уходу с Земли.

Он не выдержал.

— Сегодня?

Мать перестала мыть тарелку.

Отец посмотрел за окно. Над крышами домов свет космодрома стал белее, гуще, будто кто-то там, в степи, подкручивал ночь изнутри.

— Может быть.

— Запуск?

Отец поморщился.

— А что ещё там может быть? Праздник, что ли?

Мать сняла с гвоздя полотенце. Мокрая ткань хлопнула по её ладони.

— На улицу не пойдёшь.

Артём опустил глаза к плееру.

— Я и не собирался.

Он произнёс это слишком быстро.

Мать обернулась.

— Артём.

Больше она ничего не добавила. И не надо было.

Он знал этот голос. В нём уже стояла точка. Не вопрос, не просьба, не разговор. Просто стена.

Отец снова отвернулся к окну.

— Пускай сидит. Насмотрится ещё.

Артём поднял на него глаза.

— Там смотреть-то не на что, — бросил отец. — Железяка на огне. Люди нормальные спать хотят, а они всё грохочут.

Артём сжал пальцы.

Ракета была не железкой.

В ней были ступени, баки, двигатели, провода, люди и тысячи маленьких деталей. Она не просто грохотала. Она уходила туда, куда ничего из их посёлка никогда не уходило.

Но вслух он ничего не сказал.

Плеер лежал перед ним раскрытый, как маленькое тело на операции. Артём подвинул детали ближе к стене, чтобы никто не наступил. Потом положил отвёртку рядом.

В комнате без звука работал телевизор. На экране мелькали лица, костюмы, графики, бегущая строка. Никто не смотрел.

Отец поднялся.

— Пойду покурю.

Мать не ответила.

Дверь на крыльцо хлопнула. Через щель под ней потянуло тёплым вечерним воздухом.

Артём ждал.

Он знал, какая доска в полу скрипит. Знал, как открыть дверь, чтобы петля не пискнула. Знал, что калитку надо не толкать, а чуть приподнимать. Знал, сколько времени отец обычно курит, если злой, и сколько — если просто устал.

Сегодня отец был просто устал.

Значит, меньше.

Мать ушла в комнату. Диван тихо скрипнул. Телевизор всё ещё мигал без звука.

Артём досчитал до ста двадцати.

Потом поднялся.

Уже у двери он понял, что всё ещё держит в кулаке маленькую пружинку от плеера. Вернулся, положил её на подоконник под старую гайку, чтобы не потерялась.

Он ещё починит.

Не сегодня.

Сегодня был запуск.

Во двор он вышел босиком, с кедами в руках.

Земля была тёплая. После длинной зимы, после мокрого апреля, когда снег внезапно вернулся и лежал на крышах почти неделю, лето казалось неправдоподобным. Воздух пах пылью, травой, нагретым железом и дымом от отцовской сигареты.

Отец уже вернулся в дом.

Хорошо.

Где-то за соседним забором гавкнула собака.

Артём замер.

Собака гавкнула ещё раз и замолчала.

Он выдохнул, быстро надел кеды и побежал к дровнику.

Дровник стоял у забора, старый, с перекошенной крышей из шифера. Днём он выглядел жалко: кривые доски, ржавые гвозди, сухие поленья, паутина по углам. Но ночью это было его место.

Самое лучшее место в посёлке.

Оттуда было видно небо.

А ещё оттуда дом казался не таким главным.

Артём забрался по приставной лестнице, подтянулся, зацепился коленом за край крыши и осторожно лёг на живот. Шифер был ещё тёплый. Он пах пылью и солнцем.

Космодром светился сильнее обычного.

Артём улыбнулся.

Запуск точно будет.

— Ты опять сбежал?

Он вздрогнул так резко, что чуть не соскользнул с крыши.

Внизу, у забора, стояла Соня Тихонова — соседская девочка из дома с зелёной калиткой. Она была на год старше Артёма и иногда смотрела так, будто замечала больше, чем надо.

В руках Соня держала старое клетчатое одеяло.

— Ты чего пугаешь? — прошептал Артём.

— А ты чего по крышам лазаешь?

— Смотрю.

— На ракету?

— А на что ещё?

Соня подняла голову, оценила дровник, потом лестницу.

— Я тоже залезу.

— Тебе нельзя.

— Это ещё почему?

— Упадёшь.

Соня фыркнула.

— Сам не упал — и я не упаду.

Она бросила одеяло на крышу, поставила ногу на лестницу и полезла вверх. Лестница тонко заскрипела.

— Тише.

— Сам тише.

На третьей перекладине Соня зацепилась карманом за ржавый гвоздь и замерла.

— Не смей смеяться.

Артём зажал рот ладонью.

— Я не смеюсь.

— У тебя плечи смеются.

— Это не считается.

— Считается. Помогай.

Он подполз к краю крыши и осторожно отцепил её карман. Соня забралась наверх, запыхавшаяся, растрёпанная, но довольная, будто так и было задумано.

Она развернула одеяло, постелила его на шершавый шифер и похлопала ладонью.

— Вот. А то ты как брошенный кот тут лежишь.

— Я не как кот.

— Как кто?

Артём пожал плечами.

Он сам не знал.

Соня посмотрела на него внимательнее.

— Как тот, кто всё время что-то разбирает.

— Я не всё.

— Почти всё.

— Не почти.

— Вчера у тебя была машинка.

— Она сама сломалась.

— Конечно. Все вещи сами ломаются, а ты просто рядом сидишь с отвёрткой.

Артём хотел обидеться, но не смог. Соня сказала это не зло.

Они сели под одеяло плечом к плечу.

Вдалеке над стартовой площадкой виднелось тусклое вертикальное тело ракеты. Она стояла в белом свете прожекторов — неподвижная, чужая, слишком большая для земли и слишком земная для неба.

Вокруг неё едва заметно двигались люди и машины. С такого расстояния всё казалось игрушечным.

Но Артём знал: это не игрушки.

Это настоящее.

— Она большая?

— Очень.

— Откуда ты знаешь?

— Видел.

— Где?

— По телевизору. И на картинках.

— А внутри люди?

— Может быть.

Он не знал точно. Но хотел, чтобы были.

Соня нахмурилась.

— А им не страшно?

Артём посмотрел на ракету.

Он и сам думал об этом. Видал в передачах, как ракеты взрываются. Слышал, как взрослые говорили об авариях, хотя при нём обычно замолкали.

— Страшно, наверное.

— И ты всё равно хочешь?

Артём не ответил сразу.

Над космодромом вспыхнул ещё один прожектор. Ракета стала ярче, будто её вырезали из ночи.

— Хочу.

Соня повернулась к нему.

— Зачем?

Он пожал плечами.

Ответ был большой. Слишком большой для семи лет.

Он хотел туда, потому что здесь всё было заранее.

Дом. Кухня. Квитанции. Школа. Магазин. Остановка. Взрослые лица. Разговоры про деньги, усталость, крышу, бензин, смены и то, что ничего всё равно не изменится.

Здесь человек будто сначала родился, а потом постепенно становился тише.

А там — нет.

Там была темнота, в которой что-то могло быть.

— Там не тесно.

Соня не засмеялась.

— В космосе?

— Везде там.

Она обняла колени.

— А здесь тебе тесно?

Артём посмотрел вниз, на свой двор.

На кривую калитку.

На тёмное кухонное окно.

На занавеску, которая чуть шевельнулась от сквозняка.

— Не знаю.

— Знаешь.

Он нахмурился.

— Чего ты всё время как взрослая?

— А ты чего всё время как будто уже ушёл?

Артём отвернулся.

Эти слова задели сильнее, чем он ожидал.

Из дома донёсся приглушённый голос отца. Потом что-то стукнуло. Потом снова стало тихо.

Артём лёг на живот и сделал вид, что внимательно смотрит на стартовую площадку.

— Я не ушёл.

— Пока нет.

— Я просто смотрю.

Соня тоже легла рядом, подперев подбородок ладонями.

— Ты когда смотришь, моргать забываешь.

— Неправда.

— Правда. Как будто если моргнёшь, она улетит без тебя.

Артём хотел сказать что-нибудь резкое, но не нашёл что.

Потому что она попала.

Опять.

Вдалеке вспыхнул красный сигнал.

Потом второй.

Потом где-то у основания ракеты появился белый пар.

Артём перестал дышать.

— Началось? — шепнула Соня.

Он кивнул.

Сначала ракету окутало облако дыма. Потом снизу появился свет — оранжевый, густой, живой. Он расплзался под ней, как будто земля сама загорелась.

Соня вцепилась пальцами в край одеяла.

— Она горит.

— Это двигатели.

Артём говорил уверенно, хотя голос дрожал.

Гул пришёл не сразу. Сначала он был похож на далёкую грозу. Потом стал глубже. Потом прошёл по крышам, по заборам, по стёклам в окнах. Где-то во дворе тонко зазвенела банка. Собака снова начала лаять, но её лай быстро утонул в нарастающем рёве.

Ракета дрогнула.

Медленно, почти незаметно.

На секунду Артёму показалось, что она не справится. Что она слишком тяжёлая. Что земля держит её и не отпускает.

Но ракета поднялась.

Сначала нехотя.

Потом увереннее.

Потом быстрее.

Свет под ней стал таким ярким, что Артём зажмурился, но тут же заставил себя открыть глаза. Он боялся пропустить хоть секунду.

— Артём...

Он не ответил.

— Она правда летит.

— Я вижу.

Гул бил не в уши — в грудь. Сердце будто пыталось подстроиться под этот ритм, под эту мощь, под этот невозможный подъём.

Ракета уходила всё выше.

Огненный столб стал тоньше. Белый корпус превратился в точку. Потом в искру. Потом в маленькую звезду, которая двигалась там, где звёзды двигаться не должны.

Внизу начали открываться двери.

Кто-то вышел во двор.

Кто-то ругнулся.

Где-то заплакал маленький ребёнок.

Взрослые снова становились взрослыми: недовольными, сонными, уставшими.

Но Артём почти не слышал их.

Он смотрел туда, где только что исчезла ракета.

В небе оставалась светлая полоска. Она медленно расплзалась, теряла форму, растворялась в темноте.

— Как думаешь, там кто-нибудь есть?

— Где?

— Там.

Соня показала пальцем вверх.

Звёзд было мало — мешал свет космодрома. Но те, что пробивались сквозь сияние, казались особенно упрямыми.

— Должен быть.

— Почему?

Артём задумался.

— Потому что места много.

Соня улыбнулась.

— Странный ответ.

— Нормальный.

— А если никого нет?

Артёму не понравилась эта мысль.

Большое чёрное небо, где никого нет. Только камни, лёд и тишина.

— Тогда мы будем первыми.

— Мы?

Он смутился.

— Люди.

— А ты?

— И я.

Соня посмотрела на него с интересом.

— Тогда мне тоже место оставь.

— Где?

— В ракете.

— Ты же боишься.

— Сейчас боюсь. Потом, может, передумаю.

— Там тесно будет.

— Ты же сам сказал, в космосе не тесно.

Артём не нашёлся, что ответить.

Соня довольно улыбнулась, будто выиграла спор.

Вдали гул почти исчез.

Ночь снова становилась обычной. Космодром продолжал светиться, но теперь в этом свете уже не было прежней силы. Запуск закончился. Земля снова закрылась. Дворы, заборы, дома и взрослые разговоры вернулись на место.

Соня поднялась.

— Я домой.

— Уже?

— Если мама заметит, мне конец.

Она осторожно спустилась по лестнице. На земле подняла голову.

— Ты тоже слезай.

— Сейчас.

— Ты всегда говоришь «сейчас», а потом сидишь до утра.

— Не всегда.

— Всегда.

Она взяла одеяло под мышку, дошла до своей зелёной калитки и остановилась.

— Артём.

— Что?

— Когда сделаешь корабль, сделай нормальный.

— Каким нормальным?

— Чтобы не трясло. И чтобы можно было смотреть в окно.

Он улыбнулся.

— Хорошо.

— И чтобы карманы нигде не цеплялись.

— В корабле не будет гвоздей.

— Откуда ты знаешь? Ты его ещё не сделал.

— Сделаю.

Соня посмотрела на него внимательно.

— Знаю.

Она сказала это просто. Без насмешки. Без проверки.

Так, будто он уже был не мальчиком на крыше дровника, а тем человеком, который однажды правда сможет.

Артём не сразу ответил.

— Тогда место тебе оставлю.

Соня улыбнулась.

— Вот теперь нормально.

Она скрылась за калиткой.

Артём остался один.

Он сидел на крыше дровника, пока посёлок снова не уснул. Пока отец не погасил свет на кухне. Пока мать не прошла мимо окна и не задёрнула занавеску. Пока белый след в небе окончательно не исчез.

Но внутри него след остался.

Тонкий.

Горячий.

Неровный.

Как царапина на стекле.

Артём лёг на спину и посмотрел вверх.

Небо было большим, но уже не казалось совсем недостижимым. Теперь он знал: к нему можно прикоснуться. Не рукой. Не сразу. Не просто так. Но можно.

Люди уже делали это.

Значит, однажды сможет и он.

Только ракеты были неправильными.

Слишком тяжёлыми.

Слишком громкими.

Слишком зависимыми от огня.

Они не летели свободно. Они вырывались. Будто каждый раз дрались с землёй.

Артём ещё не знал слов «искривление пространства». Не знал про метрику, поля, отрицательную энергию и невозможные расчёты. Не знал, что через много лет будет сидеть над схемой, которую сам не сможет объяснить до конца.

Он просто лежал на крыше и думал, что корабль должен быть другим.

Не башней на огне.

Не снарядам, который бросают в небо.

А чем-то тихим.

Чем-то, что не ломает пространство, а просит его расступиться.

В доме скрипнула дверь.

— Артём!

Он резко сел.

Во дворе стояла мать. В халате, босиком, с лицом злым и испуганным одновременно.

— Артём, ты где?!

Он замер.

Мать увидела его на крыше.

— Ты нормальный вообще? Я же сказала — не выходить!

Артём начал спускаться. Теперь уже не осторожно. Смысла не было. Лестница скрипела, шифер царапал ладони, сердце всё ещё стучало в ритме ушедшей ракеты.

На земле мать схватила его за плечо крепче, чем нужно.

— Что ты там забыл?

Артём обернулся.

Над степью ещё светился космодром. Белый, далёкий, чужой. Свет, который был рядом всю его жизнь и всё равно принадлежал не ему.

Он хотел сказать: «Ракету».

Потом хотел сказать: «Небо».

Потом — «Себя».

Но мать смотрела на него так, что любое настоящее слово стало бы ещё одной вещью, которую можно выбросить в ведро.

— Ничего.

— Домой.

Она потащила его к крыльцу.

Отец стоял в дверях. Не злой. Не сонный. Просто тяжёлый, как будто всё это уже когда-то было и ничем хорошим не закончилось.

На секунду Артёму показалось, что отец смотрит не на него, а куда-то выше — туда, где недавно исчезла ракета.

Потом отец опустил глаза.

— Герой, — тихо произнёс он.

В этом слове не было гордости.

Но и злости почти не было.

Только усталость.

Такая старая, будто она началась раньше Артёма.

Мать толкнула его в дом.

У двери Артём ещё раз посмотрел вверх.

Там, где исчезла ракета, уже ничего не было видно.

Но он знал: след остался.

Пусть не в небе.

В нём.

Дверь закрылась.

Небо осталось снаружи.